

УДК 821.411.21-1
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-24-36

ПОНЯТИЕ ‘РОДИНА’ В АРАБСКОМ УСТНОМ НАРОДНОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Елена Владимировна Кухарева

к. филол. н., доцент кафедры языков стран Среднего и Ближнего Востока

Московский государственный институт международных отношений (университет)

119454, г. Москва, просп. Вернадского, 76. elena_koukhareva@mail.ru

SPIN-код: 3901-4571

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3361-0089>

ResearcherID: H-9934-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кухарева Е. В. Понятие ‘родина’ в арабском устном народном и поэтическом творчестве // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 24–36. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-24-36

Please cite this article in English as:

Kukhareva E. V. Ponyatie ‘rodina’ v arabskom ustnom narodnom i poeticheskom tvorchestve [The Concept of Homeland in Arabic Oral and Folk Poetry]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 24–36. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-24-36 (In Russ.)

Статья посвящена отражению патриотической темы и концепта ‘родина’ в устном народном и поэтическом творчестве арабов, начиная с доисламского периода, Джахилии, до нашего времени. Понятия ‘отчий дом, родная земля’ известны всем народам, а чувство патриотизма рождается вместе с человеком и органично присутствует в нем постоянно. Однако их восприятие, формы выражения, глубина и распространенность могут различаться от этноса к этносу, от нации к нации, от человека к человеку. Даже эпохи могут добавлять в эти понятия новые краски.

В арабском языке понятие ‘родина’ имеет несколько признаков. Это *территориальный, или пространственный*, признак, связанный с обозначением места рождения или проживания. Кроме того, это *социально окрашенные признаки*, отражающие высокое сознание единства, племенной дух, верность роду (племени). С ними тесно связаны *нравственные ценности*, не только проявляющиеся в традициях, историческом прошлом, но и присутствующие в современной реальной жизни арабскому менталитету. Существуют также *эмотивно-метафорические* обозначения понятия ‘родина’. Оно, наконец, может окрашиваться в *идейно-политические* тона, обусловленные формированием арабской национальной идеи, борьбой за независимость и строительством самостоятельных государств.

В исследовании показано, как изменялось данное понятие на протяжении всей истории развития арабского общества, всегда оставаясь при этом для него важным и значимым. Для древних арабов понятия ‘дом, родная земля’ – это скорее их родное племя, места его кочевья. Оказавшись вследствие различных обстоятельств в западных пределах Халифата, многие арабы с тоской вспоминали покинутые ими родные края на Востоке. Прослеживается, как в менталитете большинства арабских народов в дальнейшем понятие ‘родина’ связывалось не только с родными краями, но в большей степени с кровавыми войнами с иноземцами за свободу и независимость. В арабском поэтическом и устном народном творчестве невозможность свободно жить и действовать на своей земле в соответствии с традициями предков часто воспринимается современными представителями арабской интеллигенции как национальное унижение, вызывающее к отмщению и раскрепощению. Вместе с тем Родина – это также предмет гордости за славные свершения прошлого, за героев, павших в борьбе за свои идеалы, за красоту их земли и ее неповторимость. Поэтому идея защиты родной земли, готовность пожертвовать ради этого жизнью проходит красной нитью в арабской как древней, так и современной поэзии.

Ключевые слова: арабы; арабский фольклор; арабская поэзия; патриотизм; доисламская поэзия; национально-освободительная борьба; концепция языка; гармония; симметрия; метапоэтика; современный русский литературный язык.

«С чего начинается Родина?» Эти слова перестали быть строкой из песни. Они приобрели скорее характер философского вопроса. «Кто мы?» «Где наши корни?» «Каковы наши ценности, которые нужно защищать, за которые нужно бороться и ради которых можно сложить голову?» Понятия 'отчий дом, родная земля' известны всем народам. Однако каждый народ, каждая нация, даже каждый человек воспринимают их по-своему. Формы выражения, глубина и распространенность этих понятий могут различаться от этноса к этносу. Даже эпохи могут находить в них свое отражение.

Арабы не являются исключением. В арабском языке концепт 'родина' имеет достаточно широкое ассоциативно-семантическое поле. Здесь можно выделить *территориальный, или пространственный*, признак данного концепта. Это – 'ватан', что означает 'родина, место рождения; отечество, отчизна'; 'маутын' – 'родина; место рождения; ареал, место распространения'; 'ард' – 'земля, суша; территория; страна'; 'балад' или 'билаад' – 'страна'. Кроме того, это могут быть *социально окрашенные признаки* концепта 'родина', тесно связанные с понятием 'асабийя' (высокое сознание единства, племенной дух, сильная приверженность и верность роду (племени) [Кухарева 2005: 114]. Сюда можно отнести такие слова, как 'асл' – 'корень; основа, начало; происхождение'; 'кауи' – 'народ, нация; племя'; 'шааб' – 'народ'; 'ашира' – 'род; племя'. С ними тесно связаны *нравственные ценности*, присущие арабскому менталитету не только в традициях, в историческом прошлом, но и в современной жизни. Это – 'фахр' – 'гордость, слава, честь'; 'карам' – 'щедрость, великодушие, благородство'; 'сабр' – 'терпение'; 'шажаа' – 'храбрость, отвага, смелость' и др. Существуют также *эмотивно-метафорические* обозначения понятия 'родина'. Назовем среди них 'маскат р-раас' – 'место рождения, родина' (дословно это означает 'место падения головы' (ребенка при рождении). А также 'дам' – 'кровь'; 'калб' – 'сердце' [Кечина 2012:16]; 'фуаад' – 'сердце, ум' и др. Концепт 'родина' наконец, может окрашиваться в *идейно-политические* тона, ассоциируясь с такими понятиями, как 'дауля' – 'государство'; 'султа, хукм' – 'власть'; 'низам' – 'порядок'; 'истикрар' – 'стабильность' [там же]; 'дин, ислам' – 'религия, ислам', а также с теми личностями, которые олицетворяют все это, а именно: 'малик' – 'король'; 'зашии' – 'вождь, лидер'; 'каид' – 'вождь, руководитель; предводитель'.

Прочитав одно высказывание, в котором нашли отражение многие из приведенных выше понятий: «Родина. Всего несколько букв в маленьком слове, но какой в нем великий смысл.

Родина. Это – мать и семья. Это – теплые объятия, которыми одаривает человека его земля. Родина – это место, в котором мы вырастаем, где вкушаем плоды ее земли, пользуемся ее благами. И как бы ни были мы далеки от нее, Родина всегда остается в наших сердцах. Любовь к Родине рождается вместе с человеком, поэтому патриотизм – это врожденное чувство, которое лежит в основе воспитания личности» [Альхадж]. Автор, сравнивая малый объем и колоссальное внутреннее содержание слова 'ватан' – 'родина', показывает, какой мощной энергетикой обладает это понятие. Первая же ассоциация – 'мать, семья' – при учете утверждения Э. Кечиной о том, что опрос арабских студентов выявил у многих из них представление о том, что 'родина' связана с образом отца [Кечина 2012: 15], хорошо коррелирует с традиционной ценностью арабов с древних времен – с понятием 'асабийя', с кровным родством. Следующая ассоциация – 'ард' – 'земля'. При этом для автора высказывания 'земля' – это продолжение семьи, это практически живое существо, которое может принять человека в свои объятия, которое одаривает его своими благами. Отсюда делается вывод, что Родина – это часть нас самих; Родина – это мы, и патриотизм у нас в крови. Эти мысли подтверждаются и другими высказываниями: «Родина дороже жизни», «У нас есть только Родина», «Родина – самое дорогое в мире» [Хикам]. Следует отметить, что все это не афоризмы или размышления великих. Это – комментарии и рассуждения о Родине современных интернет-пользователей из арабских стран. Как видим, тема патриотизма, любви к Родине является актуальной для современного арабского общества. Более того, смеем предположить, что на фоне драматических и даже трагических событий на Ближнем Востоке и во всем арабском регионе понятия 'отчий дом, родная земля, патриотизм' становятся осязаемее и насущнее. И как они схожи с высказываниями о Родине других народов: «Счастье Родины дороже жизни» (рус.), «Береги землю родимую, как мать любимую» (рус.), «Нашему народу Родина всего дороже» (рус.); «Родина дороже, чем любая страна» (башк.); «Тот герой, кто за Родину идет в бой» (белор.); «Родина всякому мила» (удм.); «У народа один дом – Родина» (азерб.) [Сборник].

Современный кувейтский писатель, поэт и историк Якуб Юсеф аль-Гунейм в сборнике «Песни о родине», включающем два цикла стихов – «Паруса Кувейта» и «На крыльях любви», – обращается к своей стране со словами:

*О Кувейт! В тебе нашел я надежду.
Ты – прекрасная жемчужина во все времена.
О обитель свободных людей. Каждый день*

*Ты творишь добрые дела.
Над тобой трепещущим знаменем
Развеивается незыблемая слава.
Израненный, ты поднимался ради того,
За что проливались реки крови.
И ни один узурпатор не получил от тебя желаемого.
Все его надежды и мечты оказались тщетными...
[Аль-Гунейм 2007: 17]*

Поэт пишет о своей стране в традиционном для арабской поэзии жанре 'мадх' – восхваление, панегирик. Он сравнивает свою страну с «редкой жемчужиной», с «обителью свободных людей», которые готовы проливать реки крови ради немеркнущей славы своей родины, ради ее ценностей, «враг-узурпатор» отступает, «не получив желаемого». На фоне возвеличивания «незыблемой славы» своей страны поэт дает негативную характеристику ее врага – «узурпатор, насильник». На наш взгляд, здесь четко прослеживается преемственность стиля, свойственного арабской поэтической традиции 'мадха', – величие восхваляемого лица и его дел, как правило, дается на фоне незначительности и даже низости тех, кто противостоит герою панегирика. Для сравнения обратимся к словам Набиги аз-Зубьяна, произнесенным им в честь правителя Хиры ан-Нуамана V:

*Воистину ты – солнце, а все другие цари – звезды.
Когда всходит солнце, из звезд не видно ни одной.*

Даже с точки зрения структуры стихотворения современный поэт сохраняет традиционный строй: первая часть – это восхваление в самых изысканных словах объекта возвеличивания, а вторая – это противопоставление ему ничтожества противника, данное иногда с помощью резких, иногда уничижительных сравнений.

Тема родины занимает умы представителей арабского общества не только в наше время. И ранее она была широко отражена в арабском фольклоре: пословицах, поговорках и афоризмах. «Вера для Бога, а Родина – для всех» или «Если разделят нас верования, то соединит Родина» (сир.) [Любани 1999: 362]. Смысл этих выражений таков: вера у людей может быть разной, но если они живут в одной стране, то родина у них одна на всех. «Аллах дает долголетие тем странам, где любят Родину» [Аль-хивар]. Таким образом, в пословицах, в которых зафиксированы выработанные не одним поколением нравственные идеалы и ценности, понятие патриотизма закреплено как объединяющий и цементирующий общество элемент. Более того, патриотизм возведен в ранг духовной ценности, освященной Аллахом.

Родина как земля-кормилица ('ард'), как понятное и близкое сердцу человека явление находит выражение в следующих пословицах: «Сор-

няки родной земли лучше пшеницы с чужбины / крестоносцев» [Арваа р-равайя 2004: 154]; «Пахать землю на Родине лучше, чем считать деньги на чужбине» [Хикам]; «Родная земля не продается» или «Кто продает свою землю (Родину), тот торгует своей честью» [Любани 1999: 52] (ср. с рус.: «Кто Родиной торгует, того кара не минует»); «Чужбина – причина тоски и печали» [Таха 2002: 529]. Здесь четко выражена мысль о том, что даже тяжкий труд на родине продуктивнее и полезнее, даже чище, чем праздное пребывание и богатство за ее пределами. Попытки спекулировать родиной, выставлять ее на продажу ради сомнительных дивидендов рассматриваются как предательство не только своей земли, но, что еще, наверное, хуже, своей чести. А если учесть, что 'карам' ('благородство, честь') является неотъемлемой частью 'муруввы' (арабского (бедуинского) кодекса чести), то становится ясно, что непатриотичное поведение противоречит арабским моральным правилам и традициям. Сравнение чужбины с источником печали и тоски подчеркивает глубоко укорененное в арабском менталитете клановое, племенное сознание, пришедшее из глубины веков. Быть изгоем, порвать родственные связи – значит обречь себя на муки одиночества и беды.

Мусульманам любить родные места, можно сказать, заповедовал пророк Мухаммед, который был вынужден покинуть Мекку, преследуемый своими врагами. Перед отъездом, как гласит предание, он сказал, обращаясь к родному городу: «Какой город может быть лучше тебя и любимее для меня! Если бы твои жители не заставили меня покинуть тебя, я бы жил только здесь» [Альхадж]. Известный палестинец, председатель (президент) Палестинской национальной администрации Ясир Арафат (1929–2004), говорил о Палестине: «Это – моя Родина. И никто не может изгнать меня отсюда». Ему принадлежат и такие слова: «Личный престиж не так важен. Важны честь и достоинство Родины и ее дела» [Хикам]. Слова Ясира Арафата перекликаются с приведенной выше пословицей: «Кто продает свою землю (Родину), тот торгует своей честью». Но если в пословице упор делается на личный престиж, на честь самого человека, то для Арафата главное – защитить честь своей земли, не дать унижить Родину, сохранить притягательность ее дела.

Родина не всегда предстает в образе нежной матери. Иногда она требовательна, а порою даже жестока, потому что для ее процветания не нужны слезы и посыпание головы пеплом, а необходима борьба и жертвы. Отсюда появляются грустные образы и высказывания. Арабская пословица гласит: «Родину убивают слезы, и вос-

крешает кровь» [Хикам]. Эта пословица выводит нас на идейно-политический аспект концепта 'родина'.

Когда мы говорим об *идейно-политическом* аспекте концепта 'родина', то, безусловно, следует обратиться к вопросу становления этого понятия в процессе формирования арабской национальной идеи. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще мыслителями арабского Просвещения XIX в., которые разрабатывали такие понятия, как «народ» ('аш-шааб'), «родина» ('аль-ватан'), «арабизм» ('аль-уруба'). Все эти понятия впоследствии обрели заметное место в рамках складывающейся арабской национальной идеи как понятия «арабский народ», «арабская родина», «арабизм» [Труевцев 2012: 104]. Арабское самосознание выкристаллизовывалось в процессе национально-освободительной борьбы арабских народов против Османской империи и политики западных стран в отношении этого региона, зарождения палестинской проблемы и взаимоотношений арабов и евреев. Представители арабской философской мысли 30-х гг. XX в. (Мишель Афляк, Салих Битар и другие) стремились не только сформулировать арабскую национальную идею, но и придать ей более четкую форму, привязать ее к территориально-географической среде, к идее «арабской родины» как реального места обитания «арабской уммы», обозначить ее границы. Как пишет К. Труевцев, «в их позициях прослеживались и социальные, социально-исторические и политико-исторические мотивы в трактовке национальной идеи» [Труевцев 2012: 111].

Это нашло выражение также и в Манифесте Первого конгресса арабских студентов, обучавшихся в Европе. Он состоялся в декабре 1938 г. в Брюсселе. Манифест начинался со слов: «Я араб, и я верю в то, что арабы составляют единую нацию», далее обозначались характерные признаки единства (язык, культура, «национальное чувство»), понятия арабской родины. Вызывает интерес отношение авторов Манифеста к еврейскому вопросу. «Интересы евреев, которые живут на арабских территориях, не противостоят интересам арабского национализма. Но сионизм непосредственно противостоит арабскому национализму, мы должны бороться с ним. Если евреи, живущие среди арабов, не будут открыто и честно сопротивляться ему, тогда они станут врагами арабов» [там же: 111–112].

Идейно-политический аспект концепта 'родина' в свете затронутой выше темы арабской национальной идеи находит отражение в творчестве известного современного палестинского поэта Махмуда Дервиша (1941–2008), который своими глазами видел, как сионисты уничтожают все то, что было ему дорого. Он говорит:

«Проходит год за годом, а на твоей земле зло все множится, о, Родина! ...Родина не всегда права, но свою правду я по-настоящему могу реализовать только на Родине» [Хикам]. И, наверное, его манифестом любви к Родине, родной земле может служить стихотворение «Паспортные данные». В нем он обращается к захватчикам, которые относятся к местному арабскому населению, как к людям второго сорта:

*Запомни!
Я – араб.
Вот паспорт. Номер пятизначный.
Женатый. Восемь душ детей.
Девятый к осени родится...
Пиши! И губы не криви!..
Запомни!
Я – араб.
Не безмянный, но не знатный.
Выносив я и долготерпелив,
но зреет гнев в моей крови.
**Я в эту почву врос корнями.
Я старше олеандров и олив
и кипариса древнего древней...
Я родственник камней
и трав, проросших меж камнями.**
Нет, я не голубых кровей,
не княжеского рода.
Отец феллах и дед феллах –
простая древняя порода.
Мой дом – не мраморный дворец,
а глинобитная лачуга.
Ты понял наконец?
Я человек простой, незнатный.
Запомни!
Я – араб.
Цвет глаз – кофейно-карий.
А цвет волос, как видишь, смоляной.
Особые приметы:
сверх куфши на голове укаль
ладонь моя тверда, как сталь,
дотронься – убедись в этом.
Мой адрес:
мирная глухая деревушка...
Мужчины – сроду не видали пушек,
оружье их – мотыга да кирка...
Пиши!
На первой запиши странице:
я людям не желаю зла,
но не могу со злом мириться!..
(Из сборника «Листья оливы», 1964.
Пер. Н. Горской. Выделено нами. – Е. К.)
[Дервиш 1987: 32]*

Для поэта 'родина' – это «камни с проросшей меж них травой, древние кипарисы, олеандры и оливы». Это – «мирная деревушка, глинобитная лачуга и простые феллахи с твердыми, как сталь, ладонями». Мы понимаем, что для Дервиша именно эти люди и их нехитрые заботы, а не знать и богачи, представляют Родину-Палестину, они – соль ее земли. И тем больше его гнев и

боль, так как именно на их долю выпали все беды и унижения.

Родина – страдальца, утраченный рай, цветущий и благоухающий. Воспоминания о былом благодатном времени заставляют еще сильнее переживать боль и еще сильнее любить милую сердцу землю. В стихотворении «Люблю тебя еще сильнее» поэт, обращаясь к Родине, характеризует свое отношение к ней как к прекрасной, зеленой, благоухающей ароматами земле, к которой тянется душа и сердце рожденного на ней:

*Ты – твердь и небеса мои,
Ты – острова моей любви,
Которых нету зеленей;
Тебя люблю я все сильнее!
Ты вся любви моей видна,
Ты – «амброю» окрещена,
Ты – «сладостью» наречена,
В душе и сердце – зелена.
А я – дитя любви твоей –
Взрослею на груди твоей!
Люблю тебя еще сильнее!*
(Из сборника «Последняя ночь», 1968.
Пер. Ю. Хазанова) [Дервиш 1987: 98–99].

В арабском оригинале поэт пишет, что воздух Палестины насыщен амброй, что сама ее земля сладка, как сахар, что она не только плоть и кровь самого поэта и палестинского народа, но и в сердце его она зелена, и ее сердце зелено, т. е. живо. Здесь следует сделать ремарку. Речь идет не о садах, полях, лесах, хотя, наверное, и о них тоже. На наш взгляд, в этом пассаже прослеживается связь с восприятием арабами-христианами святого великомученика Георгия, принявшего страшную смерть за свои убеждения от рук его врагов. Арабы называют св. Георгия аль-Хадыр, что означает 'зеленеющий, зеленый' в значении 'свежий, живой'. Поэтому для Дервиша, кто бы и как бы ни угнетал и мучил его родину, она для него всегда жива.

И поэтому в другом стихотворении под названием «Рубай» поэт признается в любви к будущей родине, о которой он мечтает и в которую верит, которую видит во снах и ради которой готов все отдать. Но родина реальная, несмотря на свое великое прошлое, измучена и страдает от несправедливости. Вместе с ней страдает и поэт:

*О родина! К тебе я пригвожден
Любовью, схожей с мукой небывалой.
О родина, прекрасная, как сон!
Что ни отдам тебе – все будет мало...*

Слова «к тебе я пригвожден любовью, схожей с мукой небывалой» может быть, по нашему мнению, реминисценцией Страстей Господних и Распятия на кресте ради великой любви к людям и их спасения.

*Я вижу бедуинов и Лейлу
и слышу колокольчик каравана,
но, воздавая старине хвалу,
о будущем мечтаю неустанно.*
(Из сборника «Листья оливы», 1964.
Пер. Н. Горской) [Дервиш 1987: 29]

Образ прошлого дается через вполне традиционные стереотипы восприятия арабов иностранцами и самими арабами: «бедуины, Лейла (наиболее распространенное в поэзии женское имя), колокольчики каравана». Будущее Палестины представляется неясным и туманным, скрытым в мареве снов, но посылающим сквозь пелену свет, к которому стремится поэт.

С этим стихотворением перекликается другое произведение Махмуда Дервиша. Это стихотворение «Влюбленный из Палестины». В нем также мы чувствуем страдание поэта при виде разтерзанной и униженной родной страны:

*Даже птицы – и те
Улетели от нами покинутых стен.
Зеркала раскололись, по свободе печальную тризну
Справляя. И, песен родных подбирая осколки,
Мы ценить научились отчизну.
Наших песен читаем слова
На разбитых, пробитых свинцом гитарах,
И мелодии наши творим
На рыдающих кровлях...
[...] Я клянусь,
Что навек Палестина
Останется нашей судьбою.
Палестинкой останешься ты
Под набатной луною.
Мы пронзим коченеющий воздух
Новыми песнями,
Бросим новые зерна в иссохшую почву,
Кровью своей оросив
Плоть и душу ограбленных нив,
Пусть пройдут еще долгие годы –
Будут щедрыми всходы...*
(Из сборника «Влюбленный из Палестины», 1966.
Пер. С. Золотцева) [Дервиш 1987: 35–37]

«Улетевшие птицы и расколотые зеркала, пробитые свинцом гитары» – это образы и символы ушедшей жизни, которая казалась такой естественной на земле родной Палестины. «Подбирая осколки» этой жизни, запечатленные в песнях и мелодиях родного края, поэт вдруг осознает, что все это – его униженная Палестина, его Отечество, с которым он связан кровными узами. Это открытие заставляет его еще больше ценить свою родину. Несмотря на трагизм нынешнего положения, поэт видит свою родину, пусть через годы, возрожденной и цветущей. Ради этого он готов «кровью своей оросить плоть и душу ограбленных нив». И снова мы видим эту жертвенность, которая неотделима от чувства патриотизма, настоящего поэзии Махмуда Дервиша.

Как ни странно, но переживания Дервиша по поводу страданий Родины-Палестины переключаются с высказыванием четвертого праведного халифа Али ибн Аби Талиба¹ (599–661), произнесенным им за 1300 лет до рождения Мухаммада Дервиша: «Самое дорогое на чужбине – это Родина, но бедная жизнь на родине подобна чужбине» [Хикам] (ср. с рус.: «На чуждой стороне Родина милей вдвойне»). С учетом биографии Дервиша слова халифа звучат вполне актуально. Страдания на родине сродни прозябанию на чужбине и чувству тоски по родной земле.

Тема Родины у арабов на протяжении сотен лет была и остается актуальной. Однако это не означает, что представления о ней всегда были схожи.

Из глубокой древности, еще доисламского периода, до нас дошли произведения лишь великих арабских поэтов Джахилии. В них мы найдем не слишком много привычных для нас строк о Родине, хотя встречаются и весьма проникновенные слова о родном крае. Кочевые племена Аравийского полуострова не были так уж сильно привязаны к месту. Родиной для них, скорее, было племя, его члены, его герои, его славные и запоминающиеся дела. Вне племени, вне рода арабу было трудно прожить, учитывая суровость природы тех мест и часто враждебное окружение. «Племя было единственной гарантией безопасности бедуина, изгнание из племени считалось тягчайшим наказанием и величайшим несчастьем, а преданность сородичам почиталась как первая и основная добродетель, порождая обостренное чувство племенной чести и племенного патриотизма», – пишет известный исследователь средневековой арабской литературы И. М. Фильштинский [Фильштинский 1975: 1193–1193]. Изгой, ищущий убежища в чужом племени или у владыки какого-нибудь города-государства, будучи поэтом, восхваляя приютившего его повелителя, часто наполнял свои стихи горечью жизни в изгнании. Стихи доисламских поэтов, наряду с восхвалением своего рода-племени, бывают полны ностальгических чувств по брошенному становищу. Любовную же арабскую лирику периода Джахилии пронизывает еще и тоска о радостных днях с любимой, которую поэт испытывает при виде потухших очагов и заброшенных мест стоянок, оставленных ушедшим караваном какой-нибудь Асмы.

Так, великий доисламский поэт VI в. Имрулькайс, который был, как гласит легенда, сыном последнего царя наджитского княжества из йеменского племени Кинда, после ссоры с отцом из-за своего разгульного образа жизни оказался в изгнании. Вдали от родных и друзей он писал о своем желании вернуться на Родину, вспоминал

о своих и своего племени достижениях и успехах, а также покинутые стоябища, где он бывал счастлив с любимой:

*Спешимся здесь, постоим над золою в печали,
В этих просторах недавно еще кочевали
Братья любимой, и след их бывшего жилища
Ветры вдоль дола песчаного не разбросали...*
(Пер. А. Ревича) [Жемчужное ожерелье 1966: 26].

*Поплачем над прежней любовью,
над старым жилищем,
Хотя и обломков его мы уже не отыщем.
Далекie дни, погребенные в этих руинах, –
Как стертые буквы молитвы
на свитках старинных.
Мне вспомнилось племя, и в сердце опять зазвучали
Тяжелые стоны моей бесконечной печали*
(Пер. А. Стефановича) [там же: 32].

*А разве за врагом я не стремился вслед
По верному пути успехов и побед?
Не я ль завоевал и славу, и величье?
Могла бы вся земля моею стать добычей.
**И вот стремлюсь теперь к добыче лишь одной
И жажду одного: вернуться в край родной...***
(Пер. Н. Стефановича. Выделено нами. – Е. К.)
[Из классической арабской поэзии 1983: 25].

*О, если б вы родным пересказать могли б,
Как на чужбине я, покинутый, погиб,
**Как тяжело я страдал и мучился вдали
От дома своего и от родной земли!**
На родине легко я умирал бы, зная,
Что неизбежно жизнь кончается земная,
Что даже из царей не вечен ни один,
И только смерть одна – всевластный властелин.
Но страшно погибать от грозного недуга,
Когда ни близких нет, ни преданного друга.
О, если бы, друзья, мне раньше встретить вас!
Тогда покинутым я не был бы сейчас...*
(Пер. Н. Стефановича. Выделено нами. – Е. К.)
[Из классической арабской поэзии 1983: 35]

В первых двух отрывках поэт горюет не столько о каком-то конкретном месте, имеющем название или географические привязки, а о том времени, когда развалины старого становища были еще целыми жилищами, наполненными жизнью и чувствами. В этом контексте можно сказать, что родина для поэта там, где шумит жизнь, где бурлят чувства, где живет его племя. А «зола, разбросанная ветрами вдоль песчаного дола, руины, – как стертые буквы молитвы на свитках старинных» – это символы душевной муки и тоски по утраченной родине, по покинутому племени, воспоминания о котором вырываются «тяжелым стоном». В двух других отрывках мы обнаруживаем более близкие нашим представлениям о родине слова поэта: «*И жажду*

ду одного: вернуться в край родной; Как тяжело я страдал и мучился вдали от дома своего и от родной земли!»). Но дальнейшие слова поэта снова подчеркивают мысль о том, что поэт тоскует не о каком-либо месте, а о близких и друзьях, которые и есть олицетворение родины.

Другой выдающийся арабский поэт доисламской эпохи из племени бакр ибн ва'ил (Бахрейн), Тарафа (ок. 543–569), живший в середине VI в., как и Имрулькайс, не отличался пуританским поведением и также за это был изгнан из племени. Но воспоминания о былых временах его участия в делах племени выливаются в строки, наполненные пафосом и гордостью, что соответствует распространенному в доисламскую эпоху жанру «фахр» («богатырской похвальбе»). Он писал о своем племени и о себе:

*Я в степь ухожу на верблюде породистом,
На быстром, поджаром, широком в груди.
За мной мое племя отважное движется,
Идет мой верблюд, как возжак, впереди.
Народ мой деяньями добрыми славится,
Коварства и зла от него и не жди.
Он прям, но учтив и чуждается грубости,
И если ты честен, будь гостем, приди.
Стада бережем мы в годину голодную:
Все сыты, и вскоре – беда позади.
Последним поделится племя суровое,
Где юноши – воины, старцы – вожди.
[Арабская поэзия 1975: 38]*

Племя – вот его родина. Его наполняет чувство гордости за отважных, славных «деяньями добрыми» соплеменников. Они отличаются всеми теми качествами, которые всегда были в почете у арабов и отражали их отношение к жизни и людям. Это – *сплоченность, прямота и честность, отсутствие коварства и доброта, гостеприимство, смелость и мудрость*. В этих описаниях Тарафы своих соплеменников полное совпадение с главными принципами 'асабии' и 'мураввы', в соответствии с которыми жили арабы-кочевники в доисламский период.

Подобных примеров можно привести великое множество. Кроме «плачей» по покинутым жилищам, воспевания доблести своего племени и личных качеств поэта, тема любви к родным местам у древних арабских поэтов выражается в описании природы родного края. Имрулькайс так говорит о родных местах:

*И снова дождь! Опять, стекая с крыши,
Ты монотонно каплями стучишь.
И ящерица ловкая сквозь грязь
Легко скользит, куда-то торопясь.
Чехлом дождя деревья все накрыты,
Как головы отрубленные чьи-то.
Струится дождь, уныл и непрерывен,
И, наконец, свирепый хлынул ливень.*

*С востока налетел внезапный шквал,
И ветер южный вдруг забушевал.
Но, гнев излив и душу отведа,
Стал затихать – и нет уже дождя.
(Пер. Н. Стефановича)
[Из классической арабской поэзии 1983: 26]*

Описывая «монотонно стучащий каплями, унылый» дождь, поэт, тем не менее, видит живительную силу, олицетворением которой становится быстрая и ловкая ящерица. Дождь влажной пеленой накрывает иссушенные, полумертвые от жары деревья, которые ассоциируются с «отрубленными головами» – символом смерти, чтобы они снова ожили. Дождь, ливень, шквалистый ветер, которые то обрушиваются на землю, изливая гнев и ярость, то успокаиваются и затихают, – метафоры жизни, бурлящей, необузданной, которой живет родная земля, родное племя поэта.

С другой стороны, родина, тихая, благоухающая дикими травами, является нам в образе прекрасной девы с устами сладкими, как мед, с улыбкой, сияющей жемчугом зубов:

*Прохладу уст ее, жемчужин светлый ряд,
Овеял диких трав и меда аромат –
Так ночь весенняя порой благоухает,
Когда на небесах узоры звезд горят...
(Пер. Н. Стефановича)
[Из классической арабской поэзии 1983: 29]*

Не менее поэтично описывает природу родных мест еще один известный доисламский поэт Антара бен Шаддад (525–615), сравнивая красоту своей возлюбленной с чарующей прелестью весеннего пейзажа:

*О, как ароматны уста эти полуоткрытые,
Так пахнут они, словно мускуса полный кисет
И словно нехоженный луг, зеленеющий травами,
Где всходят гвоздики пуанцовые и первоцвет.
Тот луг оросило белесое веешнее облако,
В промоинах лужи сверкают, как россыпь монет.
Там ежевечерне дожди проливаются теплые,
Часами струятся и медленно сходят на нет,
И кружится шмель, и с пчелой оживленно беседует,
Как с пьяным соседом такой же подпивший сосед;
Так лапки усердно они потирают, что кажется:
Огонь высекают, чтоб на ночь затеплился свет.
[Арабская поэзия 1975: 51].*

Необычайная поэтичность и образность этих стихов показывают отношение поэта к родному краю, как к любимой женщине, в которой все прекрасно, все вызывает нежность и теплые чувства. Эти стихи наполнены звуками и запахами, в них бьется жизнь, и эта жизнь неразрывно связана с родными для поэта краями.

Из приведенных примеров ясно, что чаще всего описания окружающей природы были связаны с воспоминаниями либо о времени, проведенном с возлюбленной, либо о сражениях с

враждебными племенами или с рассказами о скитаниях изгнанника. Но в любом случае мы видим, как тонко чувствует природу родного края поэт, как он наблюдателен. При этом мы можем без труда определить настроение автора в момент сочинения той или иной строфы: радость, грусть, тоску, гнев и т. д.

Но что же Родина? В те далекие времена арабы, оказавшиеся оторванными от родных мест, например, попав в Испанию, в Андалусию, безусловно, тосковали по своим пустыням и кочевой жизни. Первоначально и вплоть до конца X в. андалусская поэзия не сильно отличалась от поэзии восточных частей халифата. Арабские поэты Андалусии прославляли подвиги арабов-завоевателей, предавались ностальгическим воспоминаниям о покинутой родине на Востоке. Таким поэтом был кордовский эмир Абд ар-Рахман I «Пришелец» (731–788). Выходец из дома дамасских Омейядов, он бежал после аббасидского переворота в 750 г. в Испанию и там основал династию кордовских Омейядов и эмират с центром в Кордове (араб. Куртуба), которым правил с 756 по 788 г. В его стихотворениях душа и сердце еще привязаны к прежней родине. Однако путь домой после бегства от преследования врагов ему навеки закрыт, поэтому поэзия Абд ар-Рахмана I наполнена тоской и страданием:

«Примчавшись на родину...»
**Примчавшись на родину, всадник,
 ты сердцу от брэнного тела
 Привет передай непременно!
 Я западу тело доверил,
 востоку оставил я сердце
 И все, что для сердца священо.
 От близких отторгнутый роком,
 в разлуке очей не смыкая,
 Терзаюсь я ночью и денно.
 Господь разделил наши души.
 Но если захочет Всевышний,
 Мы встречи дождемся смиренно.**

«В Кордове, в царских садах...»
 В Кордове, в царских садах, увидал я зеленую
 Пальму-изгнанницу, с родиной пальм разлученную.
 «Жребии наши, – сказал я изгнаннице, – схожи.
 С мильми сердцу расстаться судилось мне тоже.
 Оба, утратив отчизну, уехали вдаль мы.
 Ты чужестранкой росла: здесь чужбина
 для пальмы.
 Утренним ливнем умыться дано тебе благо.
 Кажется звездной водой эта светлая влага.
 Жителей края чужого ты радуешь ныне.
 Корень родной позабыла, живя на чужбине.»

«Плачь!» – говорю...»
 «Плачь!» – говорю. Но не плачешь ты, пальма немая,
 Пышной главою склоняясь, равнодушно внимая.
 Если б могла ты сочувствовать горю собрата,

**Ты зарыдала б о пальмах и водах Евфрата.
 Ты очерствела, лишенная почвы родимой.
 Близких забыл я, Аббасовым родом гонимый.**
 (Пер. В. Потаповой. Выделено нами. – Е. К.)
 [Андалусская поэзия]

В своих стихах Абд ар-Рахман I четко и ясно показывает, что он мучается от раздвоения своей сущности. Его внешняя оболочка – тело – уже далеко от родных мест. Но его душа, его сердце невидимой пуповиной все еще связаны с матерью-Родиной, далекой страной на востоке, где он «оставил... все, что для сердца священо». Родина является Абд ар-Рахману I в образе «пальмы-изгнанницы, с родиной пальм разлученной». Это – кусочек родной земли, привезенный с берегов Евфрата в далекую Андалусию. Пальма – это и символ родины, и символ утраченных корней. Видимо, в те времена и появилась пословица: «Чужбина – губитель родных корней». В отличие от человека, пальма лишена души. Она быстро приспосабливается к новым условиям, лишь бы почва подходила, лишь бы влаги было достаточно. И вот она уже «радует жителей края чужого... пышной главою склоняясь, равнодушно внимая». Человека вдали от родины мучает ностальгия. Спасая свою жизнь, он оказывается перед выбором: либо вынужденная разлука с близкими и родными, либо постоянный страх и ожидание мести врагов. Поэзия Абд ар-Рахмана I по сути своей – это «плачи» по утраченной родине. Это – порывание с тем, что и раньше, и сейчас является самым важным олицетворением родины у арабов, – «сыляту р-рахим» – «кровным родством».

Другой андалузский поэт, Ибн Кузман (1080–1160), чей «диван» (сборник стихотворений) сохранился до наших дней, писал в стихотворении «Чужбина»:

Я долгий путь прошел, и я устал.
 Был труден путь среди суровых скал,
 В его конец поверить так непросто.
 Но я теперь среди живых людей,
 Проторивших дорогу меж камней,
 Среди вершин, над самой бездной грозной.
 Мучительно страдая от потерь,
 Своей земли не вижу я теперь,
 Далекий мой берег и бездушны волны.
 Иссак источник – нет живой воды,
 И лишь одним предчувствием беды
 И разум, и душа, и сердце полны.
 Я между звезд – падучая звезда,
 Но путь мой не на землю – в никуда,
 Нектар моей не утоляет жажды.
 Моя земля, я от тебя далек,
 Но светит мне в ночи твой огонек,
 Зажженный от моей любви однажды
 (Выделено нами. – Е. К.) [Бестужева-Лала]

Ибн Кузман тоже мучается, оторванный от родных корней. Жизнь на чужбине для него – «грозная бездна, отсутствие источника живой воды, путь в никуда». Пусть эта жизнь на чужбине – звездный небосвод, поэт не может удержаться на нем между этих светил и скатывается «падучей звездой». Пусть жизнь за пределами родины похожа на пир, где блага жизни льются нектаром. Это не может «утолить его жажды» свидания с родной землей. Родина далеко. Однако любовь к ней освещает жизнь поэта, делая ее не такой тоскливой и унылой.

Шли годы, проходили века, но тема Родины никогда не исчезала из творчества поэтов и писателей арабских стран. Более того, в период колониальной зависимости многие поэты выплескивали боль сердца из-за бедственного положения своей страны и ее жителей в стихах. В этот период, как мы уже говорили выше, выкристаллизовывается идейно-политическое содержание концепта 'родина', которое находит свое выражение в произведениях патриотической направленности.

Например, алжирский поэт тунисского происхождения Ахмед Тауфик аль-Мадани (1889–1984) писал в одном из стихотворений под названием «Скорбя о Родине»: «Сердце мое плавится, и душа разрывается, ибо вижу я и слышу страдания моей страны...». Поэт видит, как прозябает его родная страна в отчаянии и невежестве, как молодые люди утрачивают надежду, «испив яд бедности и разобщенности». Ахмед Тауфик аль-Мадани обращается к своим соотечественникам с вопросом: «Неужели среди моего народа есть только один, кто говорит правду?» Он стремится вызвать в их памяти воспоминания о славе их страны, о тех, кто творил ее великую историю, перечисляя известные имена. Поэт сравнивает славное прошлое родины с «сияющей звездой» – «кякуаб дуррий», которая светит, как маяк, указывая путь к обновлению. Родину нельзя предать, иначе связи между людьми будут порваны, и тогда «другие будут хозяйничать на наших землях и управлять жителями страны... Или мы примиримся с мраком невежества, тогда как свет знания сияет над землей, или будем живыми мертвецами, тогда как другие, даже сойдя в могилу, сохраняют живую память о себе» [Муаджам].

Это стихотворение, на наш взгляд, написано в традиционном еще для доисламской поэзии жанре «плача» по погибшим героям. Только в данном случае объектом «плача» становится униженная и поработанная родина. В стихотворении, как и в традиционных «плачах», четко соблюдена контрастность между тем, как было – Родина как «сияющая звезда», и тем, что есть – состояние страны и людей как «живых мертве-

цов». И, как в древних стихах, есть призыв к «отмщению» в виде вопроса, «а не настало ли время подняться и исправить все то, что превратило некогда цветущий край в бесплодную пустыню?»

Такая тональность арабской поэзии вполне отвечала периоду колониальной зависимости и борьбы за свободу. После завоевания независимости на авансцену выходит другой жанр традиционной арабской поэзии – панегирики, «мадх», которые создавались в честь правителей и сильных мира сего. Однако теперь они трансформируются в воспевание Родины и тех, кто боролся за ее свободу, что в первую очередь нашло отражение в гимнах арабских стран.

В национальном гимне Египта речь идет о том, что к этой древней и великой стране обращены взоры и сердца ее сынов:

*Моя страна, моя любовь
и мое сердце принадлежат тебе...
О Египет, мать всех земель,
моих надежд и моих амбиций,
Разве можно сосчитать дары Нила людям?..
Благодатная земля Египта...
самый драгоценный камень...
Мы отдаем наши жизни ради тебя...
[Гимн Египта]²*

Сирийский национальный гимн также воспевает страну, называя ее «родиной арабского духа, храмом, над которым Солнце разливает свое благодатное тепло. Земля Сирии – это величавые крепости, разговаривающие с небесами. Это – земля, цветущая под лучами Солнца. Это – знамя, объединившее всю страну, в трепете которого слышатся голос надежды и биение сердца. На него устремлены глаза ее (Сирии) сынов. Оно окрашено кровью ее героев, гордых людей прославленного прошлого, воинов, принесенных в жертву...» [Гимн Сирии]³.

Мы видим, что в гимнах арабских стран, славных своей тысячелетней историей, главный упор делается на историческое прошлое, которое является опорой для надежд в будущем. Эти гимны наполнены метафорами: Египет – «мать всех земель», «самый драгоценный камень»; Сирия – «родина арабского духа, храм; это величавые крепости, разговаривающие с небесами». В этих словах мы чувствуем и любовь, и гордость, и восхищение своей страной.

В гимнах Алжира⁴ и Туниса⁵, где помнят жестокою борьбу за свободу, жертвенность – главное содержание темы Родины: «Умрем, и да здравствует Родина!.. В наших жилах кипит кровь, которая проливалась чистыми, не оскверненными потоками... Мы восстали, и либо свободная жизнь, либо гибель... Мы поклялись, что Алжир будет жить... Слава тебе, Тунис, просла-

вит тебя величие твоего народа на века...» [Гимн Алжира; Гимн Туниса]. «Человек с ружьем», герой, проливший кровь за свободу страны, *шахид*, – вот символ Родины для алжирца и тунидца.

Несколько иное представление о славе Родины мы видим в гимне Саудовской Аравии⁶. В нем Родина – это прежде всего родина ислама, символом которого является зеленое знамя, и король как хранитель мусульманской веры и традиций. Поэтому в нем произносится здравица Родине как источнику гордости мусульман и здравица королю, долг которого блюсти знамя ислама и честь родины ислама [Гимн Саудовской Аравии].

В некоторых арабских странах Персидского залива, например, Бахрейне, история которого уходит в глубь веков и который издревле считался мистическим местом связи с вечностью, местом вечного блаженства, как считали еще древние шумеры, избирая его для захоронения своих умерших [Пиотровский 2012: 3], гимн отражает данное восприятие этой страны⁷. В нем Бахрейн воспевается как «символ гармонии», чья конституция является «путем законности, символом арабского духа, традиций и ценностей». В гимне Бахрейн провозглашается «страной благородных людей и колыбелью мира и спокойствия» [Гимн Бахрейна].

Таким образом, гимны арабских государств – это зеркало чувств и эмоций граждан этих стран, их отношения к своей родине.

В завершение скажем, что можно было бы приводить еще примеры гимнов других арабских стран, а также высказывания различных арабских поэтов, писателей, мыслителей, пословицы и поговорки. Однако перед автором стояла задача лишь обозначить направления, по которым данная тема могла бы стать предметом большого научного исследования. Поэтому подведем итоги:

1. Понятие ‘родина’ имело и имеет для арабов непреходящее значение, хотя его содержание изменялось с течением времени.

2. Понятие ‘родина’ в менталитете большинства арабских народов связано не только с родными краями, но в большей степени со славной и великой историей арабских народов, их кровавыми войнами с иноземцами за свободу и независимость.

3. Ввиду длительного периода колониальной зависимости и невозможности свободно жить и действовать в соответствии с традициями предков, Родина часто воспринимается даже современными представителями арабской интеллигенции униженной, ограбленной, подавленной, взывающей к отмщению и раскрепощению.

4. Вместе с тем Родина – это также предмет гордости за славные свершения прошлого, за ге-

роев, павших в борьбе за свои идеалы, за красоту и неповторимость родного края. Поэтому лозунг «Умрем, и да здравствует Родина!» не является для арабов лишь красивыми патриотическими словами. Это реальный призыв к действию, и они его реализуют.

Примечания

¹ Абуль-Хасан Али ибн Абу Талиб аль-Кураши, более известный как Али ибн Абу Талиб (17 марта 599 – 24 января 661), – политический и общественный деятель; двоюродный брат, зять и сподвижник пророка Мухаммеда, четвертый праведный халиф (656–661), первый из двенадцати почитаемых шиитами имамов.

² «Родина, Родина, Родина» – национальный гимн Египта с 1979 г. Композитор и автор слов – Сайед Дарвиш (1892–1932). Состоит из трех куплетов, хотя обычно исполняется только первый [Гимн Египта].

³ «Хумат ад-Дияри» («Защитники Родины») – национальный гимн Сирии. Автор слов – Халиль Мардам-бей (1895–1959), композитор – Мухаммад Флейфиль (1899–1985). Гимн был утвержден в 1936 г., однако в период существования союзного государства между Сирией и Египтом (ОАР) он временно не использовался. После распада федерации в 1961 г. национальный гимн Сирии был полностью восстановлен [Гимн Сирии].

⁴ «Кассаман» – гимн Алжира. Текст гимна написан в 1956 г. «поэтом алжирской революции» Муфди Закарием, когда тот находился в тюрьме «Серкаджи-Бербарусс». Музыка – египетского композитора Мохаммеда Фавзи. Через семь лет после обретения Алжиром независимости (1962) в 1969 г. «Кассаман» стал национальным гимном страны [Гимн Алжира].

⁵ Часть текста тунисского гимна («Хумат аль-Химья» – «Защитники отечества») в 1930 г. написал египетский поэт Мустафа Садик ар-Рафии. Чуть позднее гимн был дополнен строками Абуль-Касима аш-Шабби. Для гимна Туниса музыке написал композитор, автор гимнов двух соседних стран, Мухаммад Абдуль-Ваххаб. Впервые он прозвучал в революционные годы борьбы за свержение монархии. В 1987 г. после окончания Жасминовой революции статус гимна закрепили официально [Гимн Туниса].

⁶ «Аш аль-Малик» («Да здравствует Король!») – государственный гимн Королевства Саудовская Аравия с 1950 г. Текст был написан в 1984 г. Ибрагимом Хафаджи [Гимн Саудовской Аравии].

⁷ Гимн Бахрейна официально принят в 1971 г. Автор текста – Мохаммед Судки Аяш (1925–2000) [Гимн Бахрейна].

Список литературы

- Андалусская* (испано-арабская) поэзия. Абд ар-Рахман / пер. с араб. В. Потаповой – подб. матер., оформ. 2001–2014 А. С. Злыгостева URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st044.shtml> (дата обращения: 05.01.2017).
- Арабская поэзия средних веков.* Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 20. Арабская поэзия средних веков / пер. с араб.; вступ. ст. Камиля Яшена; сост., послесл. и примеч. И. Фильштинского; подстрочн. пер. Б. Шидфар, И. Фильштинского, А. Куделина, М. Киктева. М.: Худож. лит., 1975. 767 с. URL: <http://litread.me/web/467911/490000-491000>; <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/index.shtml> (дата обращения: 12.11.2016).
- Бестужева-Лала С.* Андалусская поэзия. 2012. URL: <http://russianpoetry.ru/stihi/andaluzskaja-rouezija.html> (дата обращения: 06.01.2017).
- Гимн Алжира.* URL: <http://www.cultin.ru/singles-gimn-alzhira> (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Бахрейна.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Бахрейна (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Египта.* URL: <https://www.smileplanet.ru/egypt/gimn/> (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Саудовской Аравии.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Саудовской_Аравии (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Сирии.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Сирии (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Туниса.* URL: <http://discoveric.ru/anthem/tunis> (дата обращения: 17.01.2017).
- Дервиш, Махмуд.* Птица изгнания. Избранные произведения: сб. / пер. с араб. Н. Горской, Ю. Хазанова, С. Золотцева. М.: Радуга, 1987. 328 с.
- Жемчужное ожерелье:* Антология арабской средневековой поэзии и прозы / пер. с араб.; сост., вступ. ст. и коммент. И. М. Фильштинского. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1966. 420 с. (Сер. Классическая литература Востока).
- Из классической арабской поэзии / пер. с араб.; примеч. Б. Шидфар; предисл. К. Яшена.* М.: Худож. лит., 1983. 303 с.
- Кечина Э. А.* Национально-культурная специфика ценностных ориентаций в языковом сознании носителя языка (на материале русского и арабского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.
- Кухарева Е. В.* Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 165 с.
- Пиотровский М. Б.* Живая вода Бахрейна // Тилос. Путешествие в загробный мир. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. С. 3.
- Сборник народной мудрости. Пословицы и поговорки о родине* URL: <http://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-rodine/> (дата обращения: 10.11.2015).
- Труевцев К. М.* Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи // Полития. 2003. № 3. С. 104–117. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/50335145/> (дата обращения: 15.05.2017).
- Фильштинский И. М.* Арабская поэзия средних веков. Послесловие // Арабская поэзия средних веков. М.: Худож. лит., 1975. Т. 20. С. 1193–1193. URL: litread.me/web/467911/490000-491000 (дата обращения: 16.01.2017).
- Фильштинский И. М.* История арабской литературы: V – начало X века / отв. ред. Б. Я. Шидфар. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 538 с.
- Фильштинский И. М.* История арабской литературы: X–XVIII века. / отв. ред. Б. Я. Шидфар. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. Ч. 1. 400 с.
- Фильштинский И. М.* История арабской литературы: X–XVIII века. / отв. ред. Б. Я. Шидфар. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. Ч. 2. 328 с.
- Шидфар Б. Я.* Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). 2-е изд. М.: Изд. дом Марджани, 2011. 320 с. (Сер. «Bibliotheca Islamica»).
- Аль-Гунейм, Якуб Юсеф.* Анашид ватанийя. Аш-шира ль-кувейти. Аля джанах аль-вадд (араб.) (Песни о Родине. Паруса Кувейта. На крыльях любви). Эль-Кувейт: Ал-ляджна ль-мухтасса би-ль-ард, 2007. 75 с.
- Альхадж, Махмуд.* Мавдуу: таабир ани ль-ватан (араб.) (Тема: высказывания о Родине). 03.01.2016. URL: http://mawdoo3.com/موضوع_تعبير+عن+الوطن?q:خاص:بجث (дата обращения: 12.01.2017).
- Аль-хивар аль-мутамаддан, № 3684.* (араб.) (Диалоги о культуре) URL: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=301376> (дата обращения: 09.01.2017).
- Арваа р-равайя фи ль-амсаль (араб.)* (Самые лучшие пословицы и поговорки) / сост. Асы, Насер. Бейрут: Дар эль-муалляф, 2004. 160 с.
- Любани, Хусейн Али.* Мажмаа ль-амсаль аль-филастынийя (араб.) (Сборник палестинских пословиц). Бейрут: Мактаба любнан наширун, 1999. 938 с.
- Муаджам аль-бабитын ли-шуара аль-арабия фи-ль-карнейн ат-гасиа ашар ва-ль-ишрин* (Сборник Бабитын арабских поэтов XIX–XX вв.) (араб.). URL: http://www.almoajam.org/poet_details.php?id=1525 (дата обращения: 12.12.2016).
- Таха, Джамана.* Мавсуа р-равайя фи ль-хикам ва ль-амсаль (араб.) (Сборник лучших пословиц и поговорок). Бейрут: Дар аль-хайаль, 2002. 720 с.

Хикам ани ль-ватан (Афоризмы о Родине). URL: <http://حكم.net/الوطن-عن-حكم/> (дата обращения: 09.11.2015).

References

Andalususkaya (arabo-ispanskaya) poeziya. Abdar-Rahman [Andalusian (Spanish-Arabic) Poetry. Abdar-Rahman]. Transl. from Arabic by V. Potapova, ed. by A. Zlygostev 2001–2014. Available at: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st044.shtml> (accessed 05.01.2017). (In Russ.)

Arabskaya poesiya srednikh vekov. Biblioteka vseмирnoy literatury [Arab Poetry of the Middle Ages. The Library of World Literature]. Transl. from Arabic, Introd. article by Camille Yashen. Comp., preface, postface by I. Filishtinsky. Interlinear translation by B. Shidfar, I. Filishtinsky, A. Kudelin, M. Kiktev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1975, vol. 20. 767 p. Available at: <http://litread.me/web/467911/490000-491000> (accessed 12.11.2016). (In Russ.)

Bestuzhev-Lala S. *Andalususkaya poeziya* [Andalusian Poetry]. June 28, 2012. Available at: <http://russianpoetry.ru/stihi/andaluzskaja-poyezija.html> (accessed 06.01.2017). (In Russ.)

The National Anthem of Algeria. Available at: <http://www.cultin.ru/singles-gimn-alzhira> (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Bahrain. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Бахрейна (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Egypt. Available at: <https://www.smileplanet.ru/egypt/gimn/> (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Saudi Arabia. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Саудовской_Аравии (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Syria. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Сирии (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Tunisia. Available at: <http://discoveric.ru/anthem/tunis> (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

Darwish Mahmoud *Ptitsa izgnaniya* [The Bird of Exile. Selected works: Collection]. Trans. from Arabic by N. Gorsky, Yu. Khazanov, S. Zolottseva. Moscow, Raduga Publ., 1987. 328 p. (In Russ.)

Zhemchuzhnoe ozherel'e. Antologiya arabskoy srednevekovoy poezii i prozy [Pearl Necklace. Anthology of Medieval Arabic Poetry and Prose]. Transl. from Arabic, comp., preface and commentary by I. M. Filishtinsky. Moscow, "Vostochnaya literature" Publisher, 1966. 420 p. (In Russ.)

Iz klassicheskoy arabskoy poezii [From Classical Arabic Poetry]. Transl. from Arabic, notes by B. Shidfar. Foreword by K. Yashen. Moscow,

Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1983. 303 p. (In Russ.)

Kechina E. A. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika tsennostnikh orientatsiy v yazykovom soznanii nositelya yazyka na materiale russkogo i arabskogo yazykov*. Avtoreferat diss. kand. fil. nauk [National and Cultural Specifics of Values in the Linguistic Consciousness of a Native Speaker on the material of the Russian and Arabic Languages. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2012. 22 p. (In Russ.)

Kukhareva E. V. *Klishe kak otrazhenie natsionalnogo mentaliteta (na primere arabskikh paremiy)* Diss. kand. filol. nauk [Cliché as a Reflection of the National Mentality (a case study of Arabic proverbs) Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 165 p. (In Russ.)

Sbornik narodnoy mudrosti. Poslovitsy i pogovorki o rodine [A Collection of Folk Wisdom. Proverbs and Sayings about Home]. Available at: <http://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-odine/> (accessed 10.11.2015). (In Russ.)

Truevtsev K. M. *Arabskiy mir v 20 veke: razvitie nationalnoy idei* [The Arab World in the 20th Century: the Development of the National Idea]. *Politeia* [Politeia], 2003, issue 3, pp. 104–117. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/50335145/> (accessed 15.05.2017). (In Russ.)

Piotrovsky M. B., Zhivaya voda Bakhreyna [The Living Water of Bahrain]. *Tilos. Puteshestvie v zagrobnyy mir* [Tilos. The Journey to the Afterlife]. St. Petersburg, The State Hermitage Publishing House, 2012, p. 3. (In Russ.)

Filishtinsky I. M. *Arabskaya poesiya srednikh vekov*. Posleslovie [Arab Poetry of the Middle Ages. Postface] *Arabskaya poesiya srednikh vekov* [Arab Poetry of the Middle Ages]. Moscow, 1975, vol. 20, pp. 1193–1193 Available at: litread.me/web/467911/490000-491000 (accessed 16.01.2017). (In Russ.)

Filishtinsky I. M. *Istoriya arabskoy literatury: 5 – nachalo 10 veka* [History of Arabic Literature: the 5th– the beginning of the 10th century]. Ed. by B. Ya. Shidfar. 2nd edition. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 538 p. (In Russ.)

Filishtinsky I. M. *Istoriya arabskoy literatury 10–18 veka* [History of Arabic Literature, 10–18th centuries]. Pt. 1. Ed. by B. Ya. Shidfar. 2nd edition. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)

Filishtinsky I. M. *Istoriya arabskoy literatury 10–18 veka* [History of Arabic Literature, 10–18th centuries]. Pt. 2. Ed. by B. Ya. Shidfar. 2nd edition. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 328 p. (In Russ.)

Shidfar B. Ya. *Obraznaya sistema arabskoy klassicheskoy literatury (6–12 vv.)* [Imagery of Classical Arabic Literature (6–12th centuries)]. Ed. by B. Ya. Shidfar. 2nd edition. Moscow, Mardzhani Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)

Al-Ghunaim Yakub Yusef. *Song of the Motherland. Sails of Kuwait. On the Wings of Love*. Kuwait, al-Lazhna l-mukhtasa bi-ard, 2007. 75 p. (In Arab.)

Alhaj Mahmoud. *Subject: Statements about Home*. 03.01.2016 Available at: http://mawdo3.com/تعبير+عن+الوطن?بحث_موضوع:خاص (accessed 12.01.2017). (In Arab.)

Dialogues on Culture. Available at: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=301376> (accessed 09.01.2017). (In Arab.)

The Best Proverbs. Comp. by Aces Nasser. Beirut, Dar El-muallaf, 2004. 160 p. (In Arab.)

Lubani Husseyn Ali. *Collection of Palestinian Proverbs*. Beirut, Maktabalubnannashirun, 1999. 938 p. (In Arab.)

A Collection of Babiitiin Arab Poets of the 19–20th centuries. Available at: http://www.almoajam.org/poet_details.php?id=1525 (accessed 12.12.2016). (In Arab.)

Taha Djamana. *A Collection of the Best Proverbs and Sayings*. Beirut, Dar al-Khayal, 2002. 720 p. (In Arab.)

Aphorisms about the Motherland Available at: <http://حكم.net/حكم-عن-الوطن/> (accessed 09.11.2015). (In Arab.)

THE CONCEPT OF HOMELAND IN ARABIC ORAL AND FOLK POETRY

Elena V. Kukhareva

Associate Professor in the Department of Languages of the Countries of the Middle East

MGIMO University

76, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. elena_koukhareva@mail.ru

SPIN-code: 3901-4571

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3361-0089>

ResearcherID: H-9934-2017

The article investigates the Patriotic theme and the concept of 'homeland' in oral and folk poetry of the Arabs from pre-Islamic period of Ignorance to our time. The concept of a 'native home, native land', a sense of patriotism is known to, moreover, inherent in all peoples. However, their perception, forms of expression, depth, and prevalence may vary from ethnic group to ethnic group, from nation to nation, from person to person. Even a historical epoch can influence these concepts.

In Arabic, the concept of 'homeland' has several characteristics. It is a territorial, or spatial, sign associated with the designation of the place of birth or residence. Moreover, there are socially marked signs representing deep awareness of unity, tribal spirit, loyalty to family (tribe). They are closely connected with moral values inherent in Arab mentality not only in traditions and the historical past but also in modern real life. There is also an emotive metaphorical designation of the concept 'homeland'. Finally, it is characterized by ideological and political ideas evoked by the formation of the Arab national idea, the struggle for independence and the construction of independent states.

The author shows how this concept, being always important, has been changing throughout the history of the development of Arab society. For the ancient Arabs, the concept 'home, native land' meant more their own tribe, place of pastures. Being in the Western areas of the Arab Caliphate, people from the East yearned for the Euphrates valley and palm groves on its banks. Later on, the concept 'homeland' in the mentality of the majority of the Arab peoples was associated not only with the homeland, but mostly with bloody wars with foreigners for freedom and independence. In Arabic poetry and folklore, the inability to live freely and act in accordance with the traditions of their ancestors on their land is often perceived by contemporary members of the Arabic intelligentsia as a national humiliation and oppression, crying out for vengeance and liberation. On the other hand, homeland is also a matter of pride for glorious achievements of the past, for the heroes who died in the struggle for their ideals, for their beauty and uniqueness. Therefore, the idea of protection of the native land, readiness to sacrifice for the sake of life permeates Arabic poetry, both ancient and modern.

Key words: Arabs; Arabic folklore; Arabic poetry; patriotism; pre-Islamic poetry; national liberation struggle.